

СТРУКТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ПОЛИМОТИВАЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ ФИТОНИМОВ

Развиваются идеи когнитивной теории полимотивации, в рамках которой явление полимотивации определяется как речемыслительная стратегия носителя языка, направленная на раскрытие смыслового потенциала производного слова. На материале психолингвистического эксперимента доказываются положение о зависимости полимотивации от структуры деривата.

Ключевые слова: когнитивная теория полимотивации; структурная детерминанта.

Словообразование как самостоятельная научная дисциплина начинает выделяться в 70-е гг. XX в. Именно в это время складывается основной круг проблем. В частности, при изучении мотивационных отношений производных лингвистами выделяется такое явление, как полимотивация. Данное явление и по сегодняшний день привлекает внимание ученых. Традиционно понятием полимотивации характеризуются случаи формально-семантического соотношения производного слова с несколькими производящими единицами.

Распространение функционального подхода в языкознании позволило по-новому взглянуть на явление полимотивации. В работах, выполненных в Томской мотивологической школе, она рассматривается как фактор, детерминирующий варьирование ВФС. Важно отметить, что варьирование внутренней формы слова, обусловленное полимотивацией, выводится из показаний языкового сознания диалектоносителей.

Развивая идеи Томской школы, А.Н. Ростова вводит понятие метаязыкового сознания, которое «с одной стороны, является фактором, под влиянием которого происходят процессы изменения в сфере мотивации слов, с другой – предстает как репрезентант совершившихся или наметившихся процессов» [1. С. 147–148].

Именно обращение к метаязыковой деятельности диалектоносителей и к метаязыковому сознанию, в частности, способствовало обоснованию и развитию когнитивной теории полимотивации, основные положения которой представлены в работах П.А. Катышева. Полимотивация в рамках данной теории определяется в аспекте познавательных возможностей субъекта и рассматривается как «стратегия речемыслительной деятельности носителя языка», направленная «на раскрытие смыслового потенциала словообразовательной формы» и осуществляемая «по принципу замены дериватемы (под дериватемой понимается “знаковое образование, обеспечивающее организацию и протекание речемыслительной деятельности, а также элемент, осваиваемый языковым мышлением в целях самовыражения и взаимопонимания”) множеством конкретизаторов, включенных как в одно, так и в несколько мотивирующих суждений» [2. С. 12]. Современное состояние теории полимотивации делает актуальными исследования, посвященные функционированию созвучных по основе элементов в аспекте реализации системных возможностей определенного языка. В лингвистике, в соответствии с традицией, восходящей к учению Ф. де Соссюра об анаграмме, явление полного или частичного воспроизведения звукобуквенного комплекса корневой морфемы именуется **основной анафонией** [3], в соответствии с чем полимотивация может быть квалифицирована как неоднократное использование в речи основной анафонии с целью раскрытия языкового образа производного.

При этом исследование полимотивации предполагает обращение к особенностям организации конкретного

языка. В рамках когнитивной теории были выделены основная детерминанта (особенности организации конкретного языка) и сопутствующие языковые детерминанты: совокупность структурных, субстантивных (отдельно семиологических) и экстралингвистических условий бытования определенного языка, которые обуславливают использование полимотивации в речемыслительной деятельности носителя языка [4].

В данной работе развиваются идеи о системности полимотивации, обосновывается зависимость речемыслительной деятельности носителей языка от свойств структуры деривата, в связи с чем делается предположение о зависимости степени полимотивации от **агглютинативности / фузионности** морфонологической структуры и **степени членности** производного. В силу установки на экспериментальную проверку гипотезы материалом исследования послужили данные специально организованного направленного психолингвистического эксперимента.

Для проведения эксперимента испытуемым – учащимся среднего общеобразовательного учреждения (6-е классы гимназии № 21 г. Кемерово) в количестве 45 человек – предъявлялись установочный текст и задание, базовая функция которых заключается в создании условий, настраивающих продуцентов на внимательное отношение к определенным словам и творческое их осмысление. Предлагался следующий текст-установка и задание:

Каждое лето мы со студентами выезжаем на диалектологическую практику. Как правило, для этого мы выбираем какую-нибудь глухую деревеньку, расположенную вдали от цивилизации, где люди живут в гармонии с природой, придерживаясь издавна заведенных традиций, доставшихся им от предков. В одну из таких экспедиций встретились нам бабушка Аграфена, местная травница. Жила она на краю деревни, прямо около самого леса, но каждый в деревне знал, как ее найти. Ведь если случилась беда: заболело что, корова не телится или еще какая напасть – то все обращались к ней за советом и помощью. Уж очень она много знала, но лучше всего Аграфена разбиралась в травах: и как трава называется, и где ее найти можно, когда трава цветет и когда ее нужно собирать, чтобы для пользы она послужила, а когда уже и толку в этом никакого нет, и что в каком растении брать нужно (где листочек сорвать, где цветочек, а где корешок выкопать), и как отличить вредную траву от полезной, и какую траву при каких недугах надо использовать, а также как правильно отвар или настой приготовить, и как ее перед этим засушить, чтобы все нужные свойства сохранить, а от вредных избавиться. А рассказывать об этих травах она страсть как любила, и так красочно, так захватывающе у нее это получалось, что заслушаться можно было. Иногда засидишься у нее за чашкой травяного чая и не заметишь, как уже коровы с выпаса домой идут. А когда мы с Аграфеной гуляли по полям и лесам, там уж она ни одной травинки, ни одного

листочка не пропускала – о каждой что-нибудь да расскажет.

И особенно меня поразили рассказы Аграфены о таких травах, как **красноголовник**, **медуница**, **девятильник**, **рекостав** и **свербигуз**, которые мы встретили во время одной из наших прогулок по лесу. Так удивительно она о них рассказывала, все-то о них знала: и почему их назвали, и для чего они нужны и т.д. и т.п.

Задание: напишите рассказ травницы Аграфены об этих растениях.

В результате было получено от 41 до 45 реакций. В отдельных случаях наблюдалась стратегия отказа интерпретировать производный знак. Количество таких реакций увеличивалось по мере «замутнения», «затухания» внутренней формы слов (максимальное количество отказов получено на слово **свербигуз** – 4 отказа). Таким образом, общее количество проанализированных текстов составило 216 единиц; в них были актуализированы разные стратегии осмысления языкового образа познаваемого фитонима.

Пять производных, выбранных в качестве слов-стимулов, имеют разную морфологическую структуру (тяготеют либо к агглютинации, либо к фузии), а также характеризуются разной степенью членимости основы.

В частности, обнаруживается зависимость интенсификации **основной анафонии**, т.е. полимотивации, от характера соединения морфем в пределах производного слова. Так, данные эксперимента свидетельствуют об увеличении числа текстов с использованием полимотивации у производного, морфемная структура которого тяготеет к агглютинативности (когда морфемы легко вычлениваются из состава слова и за каждой из них закреплено свое значение). Было установлено, что при идентификации производных слов в случае прозрачности словообразовательной структуры языкового знака чаще актуализировалась корневая часть слова; к примеру, в мотивационном пространстве производного **красноголовник** общая доля **основной анафонии** составляет 95%, при этом в 16 из 45 текстов реализуется стратегия полимотивации.

Показательным в этом смысле будет следующий контекст: **Красноголовник** – это растение полностью зеленого цвета, кроме **красных головок** на кончиках стебелька. Листья вытянутые, с зубчатыми боками. Весной, когда **красноголовник** начинает расти, **головок** еще нет, но в середине лета кончики стебля **краснеют**.

Этот пример свидетельствует о том, что агглютинативный способ соединения морфем в слове позволяет установить семиотическую значимость мотивирующей основы деривата и использовать комплекс созвучных (анафонических) единиц, выражающих содержательный потенциал деривата-темы.

С другой стороны, при условии преобладания фузионных тенденций, когда в производном аффиксы неотделимы от корня и друг от друга, отмечается отсутствие контекстов с использованием полимотивации. Ведущей стратегией становится **собственно анафония**, т.е. опора на звукобуквенный комплекс производного. Так, в мотивационном пространстве производного **свербигуз** собственно анафонические мотивации составили 98% от общего числа мотивировок при полном отсутствии основной анафонии.

Примером актуализации собственно анафонии может быть текст, полученный на слово-стимул **свербигуз**: **Свер-**

бигуз – трава высокая, с широкими листьями. Излечивает раны, **ссадины** и многое другое. Сорвал листик, приложил к больному месту, а на завтра боль как рукой снимает. Есть такое поверье, что **свербигуз** растет ещё на севере. От этого и название. А у нас, в России, можно встретить его в лесу, с северной стороны бере́зы.

В силу затрудненного выделения отсылочной части, языковой образ раскрывается за счет воспроизведения отдельных звуковых элементов производного слова. В качестве экспликаторов значимости звукобуквенного слоя определяемого элемента выступают конкретизаторы: **травы: высокая: с: широкими: листьями: излечивает: раны: ссадины и т.д.**, исходный звукобуквенный образ деривата-темы словно «растекается» по всему тексту.

Помимо вопроса о двух основных тенденциях фузии и агглютинации, характеризующих структуру производного слова для языков фузионного типа (к каким относится и русский), важным является вопрос о степени членимости основы производного слова.

В русистике существуют различные подходы к морфемному членению слов, что свидетельствует об относительности, размытости морфемных границ внутри слова как характерной черте русского словообразования, соответствующей фузионной технике присоединения морфем. Это свойство было отмечено И.А. Бодуэном де Куртене еще в начале прошлого века: «Границы между отдельными морфемами бывают и более ясны и более туманны. Некоторые морфемы так ясны, так выпуклы, так резко отделяются от других, что при их отделении никто не ошибется. Зато при определении других морфем замечаются значительные индивидуальные различия» [5. С. 209–210]. Ему же принадлежит идея выделения степеней членимости, а также предположение о том, что о членимости можно говорить лишь при взаимодействии знака и человека, что членимость – это процесс, способствующий идентификации единиц языка в процессе речемыслительной деятельности индивида.

Было сделано предположение об устойчивости/затухании полимотивации в зависимости от степени членимости основы производного.

При анализе экспериментального материала было установлено, что в основе членения производного слова в процессе речемыслительной деятельности носителей языка находится, по сути, тот же механизм, что и при определении степени членимости слова в языке. Членение возможно в том случае, если входящие в состав производного слова морфемы (корень и аффиксы) существуют в сознании носителя языка вне данного производного, в составе других производных или самостоятельно.

Пять производных, о которых уже шла речь, по-разному осознаются информантами с точки зрения их членимости и образуют аналогичную степеням членимости шкалу, что имеет отношение к интенсивности использования в речи основной анафонии.

Проанализируем крайние «полюса» данной шкалы, представленные производными **красноголовник** и **свербигуз**.

Так, производное **красн/о/голов/ник** воспринимается носителями языка как легко членимое, что подтверждается использованием в текстах реципиентов в качестве конкретизаторов дериватаемы однокоренных слов как по отношению к корню **красн-**, так и по отношению к корню **-голов-** в его первом (голова человека) и во втором (верхняя часть

растения) значениях, что может быть проиллюстрировано текстами, полученными на слово-стимул **красноголовник**:

Красн/оголовник конкретизируемое ← {красный цветок: красная лужайка} конкретизирующее.

Красноголовник называется так потому, что у него **красный** цветок. Он очень яркий и его видно издалека. Если вы пойдете в лес, то никак не пройдете мимо **красной** лужайки, которая вся заросла **красноголовником**.

Крано/голов/ник конкретизируемое
← {голова: головокружение: головной} конкретизирующее.

Красноголовник – растет около болота. Этот цветок **красный** с пупырышками. С него собирают в зелье только пыльцу, а зелье от **головной** боли, **головнокружения** и от всех болезней **головы**.

Высокая степень членимости основы производного приводит к интенсивному осмыслению основы слова, к тому, что информанты в качестве основной идентификационной стратегии используют полимотивацию.

Однако если корень **красн-** вычленяется носителями языка регулярно, то при определении морфемных границ между корнем **-голов-** и суффиксом **-ник** в некоторых случаях обнаруживается вариативное членение основы слова. Так, в приведенном выше примере при актуализации отсылочной части **-голов₁-** в контекстах используются мотивирующие **голова**, **головокружение** – **головной**, что приводит к различному членению производного **красно/голов/ник: красно/головн/ик** (растение наделяется целительной силой – оно лечит от головной боли, из него делают зелье от головной боли и от всех болезней головы). Данное обстоятельство, по-видимому, объясняет тот факт, что при актуализации мотивирующих по отношению к корню **-голов-** реже используется стратегия полимотивации, чем при актуализации отсылочной части **красн-** (сравни: 8 текстов с полимотивацией, при актуализации корня **красн-**, 4 – при обращении к корню **-голов₁-** и 4 – при использовании однокоренных слов к корню **-голов₂-**).

При идентификации производного **свербигуз** информанты затрудняются выделить морфемы в составе производного, т.к. его словообразовательная структура является затемненной для рядового носителя языка. Слово воспринимается как нечленимое, поэтому текстов с использованием полимотивации обнаружено не было, более того **основная анафония** как стратегия раскрытия языковленного образа практически не встречается, основной стратегией в этом случае становится **собственно анафония**, что может быть проиллюстрировано текстом, полученным на слово-стимул **свербигуз**: *А вот эта маленькая незаметная травка со светло-зелеными листочками – **свербигуз**. Сок этих травок отгоняет насекомых – это лучшее средство, которое только можно найти.*

В силу невозможности выделения отсылочной части деривата в процессе речемыслительной деятельности,

языковой образ раскрывается за счет воспроизведения отдельных звуковых элементов производного слова. В качестве выразителей семасиологической определенности звукобуквенного слоя символа в данной реакции выступают конкретизаторы: **незаметная: травка: со: светло-зелеными: листочками: сок: средство** и т.д.

В отдельных случаях встречается нетривиальное членение производного (выделение компонентов слова и наделение их окказиональным смыслом), например:

Свербигуз – это растение, изготовленное по специальному рецепту, помогает от свирепости. Разберем слово по составу: **свербигуз** – «свер» – свирепость; «бегуз» – быстро, надежно. Оно очень популярно в нашем округе.

В одном случае информант обратился к иностранному языку (английскому) в поисках мотивирующего, что вызвало индивидуальное членение производного:

Свер/биг/уз конкретизируемое {big: большой} конкретизирующее.
Свербигуз – это растение растет в какой-то другой стране. Оно очень большое, около 1 метра высотой, отсюда название: **big** – в переводе с английского, «большой».

Однако такие реакции являются единичными, а в основной массе реципиенты при идентификации производного использовали опору на звукобуквенный комплекс.

Соответственно, если полимотивация в речи осуществляется «путем замены производной основы множеством формально подобных и текстово оформленных конкретизаторов» [4. С. 7], то собственно анафония представляет собой такую иконическую стратегию, которая предполагает актуализацию фоносемантической глубины производного.

Осознание производного как легко членимого ведет к увеличению текстов с полимотивацией. При затруднении членимости и тяготении к фузионной технике соединения морфем у носителя языка возникает необходимость подбора мотивирующих по принципу звукобуквенной аналогии. В том случае, если в качестве слова-стимула выступает производное с затемненной словообразовательной структурой, происходит смена ведущей стратегии идентификации слова. Так, в случае с производным **свербигуз** основной стратегией становится **собственно анафония**, а не **основная анафония**, как при идентификации производного **красноголовник**.

Таким образом, проанализированные характеристики дериватов влияют на интенсивность использования полимотивации в дискурсивной деятельности информантов: агглютинативный способ соединения морфем и высокая степень членимости способствуют использованию полимотивации в качестве основной идентификационной стратегии, а фузионные тенденции и соответственно низкая степень членимости, напротив, этому препятствуют, поскольку для привлечения созвучных основе конкретизаторов и их интенсификации необходимо осознание расчлененности структуры производного слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск, 2000.
2. Катыхов П.А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. Томск, 2005.
3. Паули Ю.С. Лингвокреативное моделирование идеостиля Н.А. Бердяева: На материале философского трактата «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». Томск: Изд-во Том. пед. ун-та, 2008.
4. Катыхов П.А. Субстантно-семиологическая детерминанта полимотивации деривата // Антропотекст-1. Томск, 2006.
5. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку // Избранные труды. 1963. Т. 2.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 сентября 2009 г.